

**ОТ ШТОЛЬЦА ДО ПУТИНА: ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ
АССОЦИАТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «НЕМЕЦ»**

Работа представлена кафедрой русского языка

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор В. Д. Черняк.

В статье рассматривается ассоциативно-семантическое поле, представляющее этнокультурный стереотип *немец*. Выделяются лексический, идиоматический, дискурсивно-контекстуальный уровни вербализации стереотипа. Стереотип реконструируется на материале лексикографических источников, а также текстов различных типов.

In the article the ethnocultural stereotype of the German («nemets») in Russian language is studied. The lexical, idiomatic and contextual levels of verbalization of the stereotype are identified. The stereotype is reconstructed on the basis of lexicographical sources as well as various types of texts.

Комплексное исследование лексических единиц, формирующих ассоциативно-семантическое поле, номинантом которого является этноним *немец*, осуществленное на основе лексикографических источников и текстов, различных по хронологической отнесенности и жанровой принадлежности, дает основание для характеристики этнокультурного стереотипа.

Под этнокультурным стереотипом (ЭС) мы будем понимать «систему представлений о характере человека, связанных в языковой картине мира с его принадлежностью к той или иной национальности»¹. Для описания и интерпретации стереотипа *немец* используется набор обобщенных характеристик: отношение к людям, черты характера и интеллекта, жизненная пози-

ция и отношение к материальным благам, мировоззрение, внешний вид². Самые глубинные аспекты ЭС находят отражение в системе языка: в номинациях, деривационных и дистрибутивных связях³.

Этническая характеристика является одной из важных характеристик, даваемых человеку даже при самом беглом знакомстве с ним. В семантическом содержании этнонимов значительное место принадлежит коннотациям, связанным со значимыми в национальном сознании культурно-историческими, территориальными, этнографическими и прочими сведениями.

Тема русско-немецких отношений издавна привлекала русских писателей, историков, философов, при этом характеристика немцев нередко является попыткой, оттолкнувшись от *чужого*, глубже осмыслить себя.

Внутренняя форма, или этимологический признак, этнонима *немец* для современных носителей языка существует опосредованно, но этот слой содержания концепта представляет собой основу, на которой возникли и держатся остальные слои значений (Ю. С. Степанов). По данным историко-этимологического словаря⁴, этимон слова *немец* обозначает «человека, говорящего непонятно», у словоформы *немцы* выделяется значение – «название всякого чужого народа». В Словаре древнерусского языка⁵ у лексемы *немцы* в качестве основного, непроизводного, выделяется соотносимое с уже выделенным значение («наименование людей, говорящих на непонятном языке»), но важным представляется лексикографическая ремарка, сопровождающая употребление лексемы – «о чужестранцах, врагах», благодаря которой вербализуется устойчивый оценочный компонент значения – ‘немцы, это чужие, враги, те, кто вызывает чувство страха’. Важным представляется не только экспликация признака, лежащего в основе номинации, но и выявление того факта, что внутренняя форма данной единицы языка свидетельствует о связи исследуемого ЭС с основополагающей культур-

ной оппозицией (*свои – чужие*). «В славянском фольклоре образ *немца* сочетает в себе черты конкретного этнического соседа и мифического “инородца”, причем большинство представлений оформляется под влиянием традиционных стереотипов»⁶.

Сплошная выборка примеров, содержащих лексему *немец*, из «Толкового словаря живого великорусского языка» и сборника «Пословицы русского народа» В. И. Даля⁷ позволила выявить, что наиболее разработанным в структуре этнокультурного стереотипа является аспект «немецкий ум и ученость». Данный аспект конкретизируется при помощи дескриптора «изобретательность» (*Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами, т. е. перенимает; У немца на все струмент есть; Мастера немцы корзины плести*); «немецкий ум» характеризуется прежде всего как «хитрый», т. е. «искусный, мудреный» (*Хитер немец: обезьяну выдумал! Немец без штуки с лавки не свалится (штука в значении «хитрость, лукавство»); Мудрые немцы; Камышенцы!*); «русский ум» в народном представлении характеризуется, напротив, как «задний ум» (*Кабы у немца наперед, что у русского назад – с ним бы и ладов не было (ум); ср. Русак умен, да задним умом. Русский назад умен*). В выделенный аспект также входит дескриптор, который можно обозначить как «немецкая ученость» (*Немецкая (т. е. точная, школярная) ученость*); значение отэтнонимического прилагательного немецкий в данном устойчивом сочетании выступает синонимом к «точный, школярный». Слово *школярный* эксплицирует отрицательную коннотацию. Выделенный дескриптор связан и с другим содержательным аспектом стереотипа *немец*, который выявляет «чрезмерную точность», сопровождающую деятельность *немца* (*настоящий немец (точен, педант, причудлив)*).

Если лексикографические источники XIX в. дают возможность реконструировать систему языковых ЭС, представляющую собой часть языковой картины мира⁸, то современные словари кодифицирован-

ного литературного языка не отражают существующих языковых этнических стереотипов, чему препятствуют соображения этики и соответствующая цензура, но это не значит, что ЭС не находят своего выражения в языке. «Стереотипы сознания, закодированные в структуре языка и проявляющиеся при его обыденном употреблении, самими носителями языка могут не осознаваться и даже вступать в противоречие с их осознанными умственными установками, формируемыми под воздействием воспитания и образования <...> Представляется, что к числу объективных проявлений коннотаций следует отнести и те явления, которые обычно не фиксируются словарями, но с достаточной регулярностью воспроизводятся в процессе порождения и интерпретации высказывания с данной лексемой и ее дериватом»⁹.

Чрезвычайно важным уровнем вербализации ЭС *немец* является контекстуальный. Исследование этого уровня проводилось в процессе наблюдения над свободными сочетаниями этнонима *немец* и его дериватов с другими лексическими единицами. Благодаря анализу сочетаемости прилагательного *немецкий* и существительных, обозначающих различные человеческие качества, было установлено, что «типично немецкими» в русском языке признаются, с одной стороны, *организованность, упорядоченность, размеренность, серьезность, основательность, аккуратность, тщательность, дотошность, добротность, честность, бережливость, экономность, хозяйственность, деловитость, практичность*, с другой стороны – *педантичность, рассудочность, расчетливость*. Кроме этого, немаловажным представляется и тот факт, что сочетаемостные свойства «немецкого» – антиподы соответствующих свойств «русского»¹⁰. В качестве общего семантического компонента этнокультурного стереотипа можно выделить и «следование установленным правилам»¹¹.

Сфера персоналий, образов, сфера литературных, исторических, фольклорных,

религиозных персонажей в рамках национальной культуры, по мысли Г. Хазагерова¹², может рассматриваться как совокупность концептов, или персоносфера. Понятие *персоносферы* помогает выделить ряд «культурных героев», играющих своеобразную роль эталонов и идентификаторов в рамках национальной культуры. Персоносфера и концепты, ее составляющие, соотносимы с тем рядом явлений, которые могут быть обозначены как *прецедентные феномены*. В рамках нашего исследования особенно значимой представляется экспликация денотативных и коннотативных составляющих прецедентных имен *Обломов – Штолец*, выявление их взаимосвязи с стереотипом немец на уровне современной коллективной символики. В анализе мы опирались на корпус примеров, выделенных на материале медиатического дискурса, выступающего как современная среда реактуализации знака.

Свидетельством того, что литературный антропоним приобрел статус прецедентного, является тот факт, что имя *Штолец* в подавляющем большинстве случаев используется коннотативно. Прецедентное имя *Штолец* выступает, как правило, в функции семантического предиката, обладающего характеризующей функцией. Прецедентное имя, являясь семантическим предикатом, в синтаксической структуре предложения может занимать позицию, отличную от предикативной, а именно, позицию субъекта или объекта – прямого или косвенного. Рассмотрим некоторые примеры: «*Я – совершеннейший Обломов: ленивый, хитроватый, а иногда и вовсе прикидываюсь абсолютным валенком. Антон же – типичный Штолец. Он деловит, успешен, удачлив*» (*Новые Известия. 30.04.2004*; «*Традиционный читатель и читатель Интернета – разные читатели, даже если они совмещены (сужу по себе) в одном человеке. Первый благодушен и нетерплив, второй нетерпим и требователен, один Обломов, другой Штолец*» (*Вопросы литературы. 1999. № 5*); «*Про себя Ана-*

толий Белый говорит, что он хотел бы быть Обломовым, но вынужден оставаться Штольцем – человеком активным, настойчиво идущим к собственной цели. Актер сам прокладывает себе дорогу к успеху» (www.vor.ru); «МХАТ ставит «Обломова». Но пашет, как Штольц» (*Новая газета*. 2002. № 63); «Деньги зарабатывать в этом народном представлении либералы Обломовы решительно не умеют. На это есть Штольцы» (*Демократический Выбор*. 2002..№ 12).

Смысловую структуру прецедентного имени *Штольц* образуют признаковые имена, которые эксплицируют следующие аспекты стереотипа: интеллектуальные и волевые качества личности ('нетерпим, требователен', 'активный', 'настойчиво идущий к собственной цели', 'энергичный', 'сам прокладывает себе дорогу к успеху'); отношение к труду ('деловит', 'успешен', 'удачлив', 'профессионализм, аккуратность, ответственность'). Как следует из подавляющего большинства примеров, действия, которые ассоциируются в сознании современников со *Штольцем*, можно квалифицировать как относящиеся к предметной области «трудовая деятельность»: 'везде успевают', 'пашет' (в значении много работает), 'умеет зарабатывать деньги', 'работает', 'действует'.

Те признаки, которыми наделяется *Штольц*, в обыденных представлениях современника, не обладают однозначно положительной оценкой, ее можно охарактеризовать скорее как амбивалентную, поскольку *Штольц* (в противопоставление Обломову) предстает как 'скучный и неприятный', он 'вызывает раздражение': «Как мы видим, представление о том, что все русские – прекраснородушные и милые Обломовы, а на Западе проживают сплошь точные и пунктуальные, но скучные и неприятные Штольцы, глубоко засело в массовом сознании» (www.index.org.ru); «Правда, если вспомнить русскую классику, Штольцы в России вызывают раздражение. Они правильные, не делают глупостей, эконо-

мят деньги» (*Фармацевтический вестник*. 2003. № 22).

Употребление антропонима во множественном числе и со строчной буквы (*Штольцы, штольцы*), а также такие маркеры, как «совсем как», «типичный», «такой как», «сторонник», «похож на», служат индикатором того, что комплекс представлений, закрепленных за *Штольцем*, переходит в ранг общеизвестных и общепринятых.

Как показали проанализированные примеры, прецедентное имя *Штольц* (*штольцы*) используется в современном дискурсе не только для характеристики определенных качеств личности, но и для оценки происходящих изменений в обществе, экономике и т. д. Именно «современные Штольцы» становятся своеобразным символом происходящих перемен, причем сами перемены и те признаки, для выражения которых используется антропоним *Штольц*, обладают положительной оценкой: «В нашей жизни катастрофически не хватает порядочных Штольцев»; «В общем, сначала у всех была надежда – вот они, наши Штольцы!»; «В России появляются новые Штольцы», «Но уже появляются в России и свои штольцы»; «А сейчас как-то жизнь меня повернула ближе к Штольцу»; «Рынок настойчиво заставляет жить по Штольцу»; «Раньше был свой Штольц, теперь импортного завезем»; «Надо становиться Штольцем»; «Понастоящему время Штольца пришло только сейчас»; «современный Штольц», «новые Штольцы»; «значит, штольцы уже побеждают» и т. д.

Сравнивая известного политика, бизнесмена, общественного деятеля со Штольцем, пишущие следуют общей стратегии «повышения престижности» того, о ком идет речь. Внешний облик, политическая и социальная деятельность В. В. Путина, связь его биографии с Германией вызывают у авторов наиболее настойчивые ассоциации с гончаровским героем: «Еще несколько лет назад фигура, типа Путина, была неприемлема для России. Ельцинская обломовщина и барство гораздо милее рус-

скому сердцу, чем немецкий прагматизм Путина-Штольца» (www.businesspress.ru); «Владимир Путин – все-таки Штолец, а губернаторы – Обломовы. Вот и будет президент-Штолец насаживать на ключевые места менеджеров-Штольцев. Проблема в том, где взять столько Штольцев» (www.ima-press.ru).

В ходе проведенного исследования было выявлено, что стереотип *немец*, имея внеязыковую природу (на которую оказывают влияние культурные, экономические и исторические факторы), проявляется на идиоматическом (устойчивые сочетания) и контекстуально-дискурсивном (свободные сочетания слов) уровнях языка. Основными аспектами в структуре стереоти-

па *немец* являются интеллектуально-психологический и культурно-бытовой, которые, в свою очередь, характеризуются амбивалентной оценкой. Специфической особенностью вербализации рассматриваемого ЭС является его связь с прецедентным именем *Штолец*. В лексиконе современной языковой личности антропоним *Штолец* служит своеобразным обозначением прототипического *немца*. Являясь периферийной частью ассоциативно-семантического поля *немец*, антропоним *Штолец* в современном политическом дискурсе занял особое место, соединяя традиционные культурные представления о немце с новыми социально-историческими реалиями.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 64.

² Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / Пер. с польского. М., 2005. С. 110.

³ Березович Е. Л., Гулик Д. П. Ономазиологический портрет «человека этнического»: принципы построения и интерпретации / Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурологическом аспекте / Отв. ред. Г. П. Нешименко. М., 2002.

⁴ Черных В. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М., 1999.

⁵ Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 5. М., 2002.

⁶ Белова О. В. Мифологизация образа немца в славянской традиционной народной культуре // Славяне и их соседи: Славяне и немцы: Сб. тез. М., 1997. С. 13.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998.; Пословицы русского народа: Сборник: В 2 т. М., 1984.

⁸ Потанова О. В. Языковые этнические стереотипы и их представление в белорусской, русской и польской лексикографии XIX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск. 2005. С. 3.

⁹ Кобозева И. М. Указ. соч. С. 102.

¹⁰ Плунгян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью...»: (к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке) // Московский лингвистический журнал. М., 1996. Т. 2. С. 343–344.

¹¹ Кобозева И. М. Указ. соч. С. 107.

¹² Хазагеров Г. Персонасфера русской культуры // Новый мир. 2002. № 1.